

Skleněný
mustek
2015

ПОТЕРЯННОЕ СОЛНЦЕ

СВЕТЛАНА ХАЕВА

Светлана Хаева

ПОТЕРЯННОЕ СОЛНЦЕ

**SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015**

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Светлана Хаева 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-7534-043-6

Содержание

1. Сумерки

2. Вечер

3. Рассвет

4. Полдень

1. Сумерки

Катерина спешила на работу, она опаздывала, прибывая в унылом настроении, как и сама погода.

«Начало весны – мое любимое время, – думала она, – но почему-то нет той радости и захватывающих чувств, как раньше, как когда-то. Не знаю почему и когда произошло так, что много простых и в тоже время прекрасных вещей, почему-то больше не радуют.» Добежав до остановки, к которой как раз подъезжал автобус, она выдохнула, автобус остановился, спокойно втиснувшись в него, впрочем, как обычно, она постаралась залезть в сумку, чтоб расчитать с кондуктором. «Каких-то пятнадцать минут и я на месте, – думала она, – почему люди так зависят от времени... Мы всегда высчитываем, сколько ехать на работу, сколько времени мы проводим на этой работе, сколько мы будем добираться обратно. Наверное только в выходные люди не особенно подсчитывают свое время, если действительно отдыхают. Время летит, бежит и утекает. Поэтому приятные выходные пролетают очень быстро, порой кажется, что было два часа, а не два дня. Причем у всех «приятное время провождения», различается, в зависимости от того, у кого и как понимается слово «приятное». У влюбленных это время пролетает гораздо быстрее, для них и рабочий день в предчувствие волнительной встречи тянется как жвачка, а встреча проносится как ураган. А ведь когда-то и я...»

– Привет Катерина, что-то ты не особо отдохнувшей выглядишь.

– Здравствуйте Ольга Валерьевна, так Вы сами знаете, что такое выходные, это они выходные, когда отдыхаешь, – ей не хотелось говорить, что выходные почему-то не оставили ничего приятного. Что хотелось бы их провести иначе, но рассказывать об этом ей никому не хотелось.

– Знаю Катюш, знаю, только вид у тебя не усталый, а задумчивый, но вообще-то ладно, – открывая дверь в офисное здание, сказала улыбающаяся женщина. Что к тебе приставать с не нужными вопросами захочешь сама расскажешь, – и они молча прошагали к лифту.

Ольга Валерьевна была приятной женщиной, в меру разговорчивой, она никогда ничего не вытягивала из собеседника, заканчивала свой диалог стандартной фразой – захочешь сама расскажешь. У нее вообще всегда хватало чувства меры во всем и везде. Она отработала на весьма известном заводе в своем городе много лет, отдав ему, как она говорила, лучшие годы своей жизни. Но потеряла эту не очень интересную, но весьма поддерживающую опору – работу. Как и многие во время перестройки, ей пришлось все начинать заново. Она пробовала себя на многих поприщах, с работой было тяжело, но есть семья, ради которой надо было стараться и по принципу Ольги Валерьевны, вообще жить. Она работала и на овощном складе, и в детском саду, и помощником повара. Но вот спустя долгое время ей удалось вернуться на свое старое место, и, как она сама говорила, где она себя чувствовала весьма уверенной каплей в море бухгалтерии. Подрабатывая так же без ставки психологом, поддерживая всех в трудные, радостные и депрессивные минуты жизни. Опыта у нее хватало на всех, про таких говорят, «своя в доску». Она помогала всем. Может, это было необходимо не только окружающим, но и ей самой, потому что у нее была душа с потаенными карманами и отсеками как у большого корабля, и ей необходимо было заботиться обо всем мире, вылечить всех больных, выслушать всех страждущих, накормить всех обездоленных. От нее исходило тепло, и даже не самые доброжелательные люди чувствовали ее лучезарность и искренность.

У лифта собрался взволнованный народ, каждый со своими проблемами, жизненными неурядицами, мелкими и большими радостями. Девушка в наушниках была явно рада проведенным выходным, на ее лице можно было прочесть все, ну или почти все, два дня с любимым человеком, новые отношения, все новое. Она была явно вдохновлена ритмичной песней, навевающей ей мысли о возлюбленном, она крутила провод пальцем, не видя никого вокруг, не прекращающаяся улыбка застыла на ее юном и прекрасно-молодом лице.

Молодой человек, вяло заигрывающий с Катериной, был доволен собой, был одет так, как будто все выходные только и зани-

мался тем, что подбирал, костюм, рубашку, галстук к ней, ремень, ботинки. Выглядел он как денди, чему был несказанно рад, и уверен в себе больше чем на сто процентов. Его голос внутри кричал, посмотри на меня, но при этом он, не подавая виду, просто стоял, делая отрешенный вид. Но на Катерину он производил впечатление наглого, самоуверенного эгоиста, которому всегда было плевать на чужое мнение. Умеющего и хотящего слушать только себя и чтоб при этом, в минуты его блистательной речи, желательно были верные почитатели, которые восхищались бы его умением завоевывать расположение важных персон. Его доблестным речевым оружием, которое, по его мнению, должно было подобно магнетизму притягивать очаровательных девушек, им он гордился не меньше, а может и больше чем его безукоризненно отполированной внешностью.

Открылись двери лифта и все смело шагнули внутрь и в новый рабочий день, в новую трудовую неделю. Ольга Валерьевна нажала пятый этаж. Двери открылись, и Катя со своей коллегой вышли из лифта в маленький холл, где их встречал пожилой охранник Анатолий Степанович. После двух, трех улыбок, пожеланий хорошего дня, он открыл дверь. Минуту два пролета, коридор, несколько комнат, они добрались до своей не большой, но весьма уютной комнаты, где их ждали рабочие столы и куча бумаг.

Катя вздохнула, вешая плащ на вешалку и убирая её в шкаф, посмотрела на рабочий стол. Вздохнув еще раз, она нажала кнопку включения компьютера. Тело явно отказывалось работать. Она взяла кружку и отправилась в туалетную комнату. Глядя в зеркало, она задавала себе вопросы, на которые у нее не было ответа. Помыв руки и кружку, она вытерла руки и направилась за рабочее место. Как только она села на положенное место, открылась дверь и словно фурия пролетела, не молодая, но весьма бодрая женщина. За одну минуту разделавшись с верхней одеждой, она плюхнулась на свое место, быстро включила компьютер, поставила локти на стол, сложив руки вместе, создавая впечатление, что она как минимум уже полчаса находится на рабочем месте.

– Доброе утро, девочки, или Вас не учили здороваться?

– И тебе, Людмила, наидобрейшего, – ответила за двоих Ольга Валерьевна и принялась разбираться с ворохом бумаг, прогибавшим ее стол.

Открылась дверь в комнату, зашел мужчина, приятный, высокий, ухоженный. С папкой в руках он подошел к столу Катерины.

– Здравствуйте, это Вам, – он открыл папку, выдернул из нее пару скрепленных скрепкой документов, – Довести до ума и дальше передать сопровождению.

– Доброе утро, Валерий Алексеевич, – отозвалась, смущенная девушка. – Ясно, все сделаю.

У нее до сих пор появлялся легкий румянец на щеках при виде начальника. Она никак не могла привыкнуть к тому, что она взрослая, работающая женщина и при виде шефа, смущалась как ученица при виде директора. Он сделал еще несколько шагов и встал перед женщиной, которая явно его ждала, скрестив руки. Он не успел начать монолог, как первой заговорила подчиненная.

– Доброе утро, Валерий Алексеевич, а я вот уже давно сижу и думаю, ну когда же Вы придете, и порадуете меня новой работой.

– Доброе утро, Людмила, я думаю, у вас еще и старой работы хватает, но, тем не менее, это Вам, – он смело выложил на ее стол оставшееся документы и направился к выходу. Около двери остановился, обернулся, – Приятного Вам дня, – бросил он и вышел из комнаты.

Валерий Алексеевич был весьма удачливым человеком по жизни. В свои сорок с небольшим, он имел свой бизнес – ОАО «Омели», в котором, хоть и значился коммерческим директором, но все-таки считал его своим детищем. Они занимались как сборкой, так и продажей мебели, а еще были: декор, отделка, дизайн и все, что было нужно для новой квартиры или дома. Он всегда угадывал, куда надо вложить капитал, что бы не прогореть, точно знал, когда нужно выводить денежные средства из дела. И со своим превосходным чутьем он успешно освоил науку купли-продажи акций. Его работа была основана на клиентах, с которыми он всегда находил общий язык, но заполнять документы и все что с этим связано было дальше, у него получалось не очень подобаю-

щим образом, не так, как этого требовала, клиентская база. Для этих целей у него была своя команда, которая с легкостью решала эту проблему. Он гордился своим семейным положением, ведь у него было три сына и красавица жена, но при всем при этом, он деликатно поглядывал на женский пол, дабы не забыть, что он – мужчина и не плохой охотник. И иногда в его сети попадалась одна или несколько жертв, верившим его честным и красивым глазам.

Катерина работающая в отделе бухгалтерии не занималась бухгалтером, ее маленький кабинет, где она должна была верховенствовать, назывался гордо – «Начальник по рекламе». В ее подчинении работала молодая, перспективная девушка, которая по сравнению со своими предшественницами задержалась на работе в помощниках и, самое удивительное, не собиралась уходить и по виду была довольна своей работой. Катерин, не особо нагруженная своей работой, помогала Валерию Алексеевичу, в свободное от сочинения могущественных лозунгов время. Она помогала ему с клиентами, передавая их дальше отделу сопровождения, которые дальше работали с ними.

Девушка тщетно пыталась заняться работой, но мысли крутились то вокруг не совсем благоприятной погода для ее любимой весны, то, о том, что ей приготовить на ужин. Почему, и что тому виной и главное – когда она уловила нить прохлады в отношениях с мужем? В мыслях была полная неразбериха, и сконцентрироваться на работе было все труднее и труднее. Она начала погружаться в воспоминания прошлой, радостной жизни, где все было прекрасно и удивительно. Она вспоминала первые годы жизни с любимым человеком, с каким восторгом и юношеской задорностью они ремонтировали квартиру, в которой они должны были по их задумке провести лучшее время своей жизни.

Припомнилось ей, как муж был влюблен в нее, как восхищался ее красотой, как осыпал ее нежностью и заботой. Она вспомнила рождение первой и единственной дочки, с каким трепетом к ней относился муж, как баловал ее и маленькую дочурку, как они мечтали о большой семье и не понятно, почему они остановились на достигнутом. Ее воспоминание прервал мужской голос:

– Катя, ты что уснула?

– А она у нас часто в облаках летает и только ей это позволяет, – раздался голос Людмилы. Катерина подняла глаза и увидела Игоря, своего друга, одноклассника и сослуживца по работе.

– Привет, Игорь, извини, совсем тебя не заметила, задумалась что-то.

– Да я заметил, что с тобой случилось? Ты что-то неделя от недели все задумчивей и задумчивей становишься.

– Нет, Игорь, нет, просто куча всяких мыслей.

– Что-то мне подсказывает, что эти мысли не касаются работы, как там Димка поживает?

– Спасибо хорошо, что ему будет.

– Ууууу, девушка, что-то не так. Ты никогда не позволяла никому так выражаться о Димке, – сказал Игорь и присел с расстроенной девушкой на рядом стоящий стул. Что у Вас случилось? Черная полоса? Так ты помни, что за ней обязательно будет белая, по-другому просто не бывает. Или у Вас личные проблемы?

– Да что ты к ней пристал, ПМС у нее!

– Что-что, простите?

– Предменструальный синдром.

– Люська, тебя никто не спрашивал, вечно ты со своим языком не можете найти себе достойного занятия, – на одном дыхании выпалила Ольга Валерьевна.

И обе уткнулись в документы, создавая впечатление, рабочей атмосферы. Игорь откашлялся, снизил голос, чтобы посторонние не вмешивались и еще раз с дружеской, соучастной ноткой в голосе спросил:

– Я могу тебе чем-нибудь помочь?

– Я не уверена, не знаю, мне трудно об этом говорить...

– Может, я что-нибудь подскажу, ты главное не робей, не вешай нос, расскажи, в чем проблема? В Димке? Я совершенно точно знаю, что он тебя любит больше всех на свете, прекрасней тебя просто нет.

– Я знаю, что он меня любит, но как будто не со мной, понимаешь? Может, уже нет той нежности и накала страстей, или наша

сказочная любовь давно поросла бытом. Понимаешь, Игорь вроде бы все у нас прекрасно, особенно со стороны, – начала явно разговаривавшая девушка, – Мы ходим в гости, смеемся, радуемся, растим дочку, делаем уроки, готовим, ходим в магазины, в общем, все как у всех, но я чувствую мы потухли, нет той искорки или во мне она просто погасла, – она опустила глаза, – зря я все это тебе. Ношу все в себе, мысли всякие крутятся, вообще я выпалила это тебе с горячки, ты уж извини меня.

– Нет, нет, Кать, это ты – молодец, так и надо, это просто период такой, когда задумываешься о жизни, о близких, взвешиваешь все “за” и “против”. Это нормально, но и это тоже пройдет, ты же помнишь. И это тоже пройдет, – сказали они в один голос. Ты же любишь Димку, я знаю, что у Вас все хорошо, по-другому быть не может, у Вас отличная семья, Викуська, просто красавица растет, сколько ей уже восемь?

– Девять скоро будет, – ответила, Катя не поднимая глаз.

– Ну, вот, ты знаешь, ведь это уже много. Ну, в смысле Вы с Димкой сколько уже? Лет десять, так вот, это же срок. Вам надо просто как-то обновить отношения, ну в смысле развеяться, взбодриться, я уверен, что вы проживете до старости.

– Вот именно обновить отношения.

– Нее, ты не так поняла.

– Я знаю, что ты хотел сказать. Он с другими женщинами совершенно по-другому разговаривает, улыбается, кокетничает прям. Рассказывает веселые истории, а они вздыхают, глядят ему в рот. А потом я смотрю на него и не верю, что он может быть таким, со мной он – другой. С другими – он обходительный, галантный такой, я вообще его не узнаю, когда мы находимся в незнакомой компании. Я представляю, какой он там, на работе, сама вежливость, наверно. Вообще ты знаешь, я бы хотела очутиться на месте другой женщины, я бы хотела, что бы он мне улыбался и рассказывал всякие истории, даже если я их уже слышала, я с удовольствием послушала бы еще раз. Я хочу, чтоб он со мной вообще разговаривал, не только о делах, заботах и планах, а вообще понимаешь, о жизни, как с другими, как когда-то.... Я бы хотела

стать для него незнакомой женщиной, которую заново пришлось бы завоевывать.

– В наш век прогресса, это как плюнуть, я тебе как программист говорю. Люди общаются в Интернете, кто-то наверстывает упущенное, кто-то чрезмерно стеснительный, а там у него все получается, кому-то просто не хватает общения, кому-то в той реальности намного проще общаться, чем в жизни, а у кого-то просто проблема со временем, – у Игоря загорелись глаза, он рассказывал с таким восторгом, что несколько раз повышал тон, а потом понижал, что бы соседние столы ни слышали содержания беседы.

Катя подняла глаза:

– Восхитительно как же я не догадалась, ты – просто молодец, – она заулыбалась, ты мне очень помог. Мы можем познакомиться заново и общаться как совершенно не знакомые люди.

– Катя, Катя, по-моему, я тут наговорил непонятно чего, ты так близко это не воспринимай. Вы же знакомы, как Вы можете общаться как не знакомые, ну или по отношению к нему это будет не очень справедливо, ты же будешь знать, что это он, а он – нет. И как ты узнаешь, что это он?

– Эх ты, программист еще называется, а как же “аська”, она у всех на работе стоит, вот и будем общаться. Спасибо, Игорек, ты мне очень помог, ты зачем приходил-то?

– Не за что, – дрожащим голосом произнес молодой человек, – Я, правда, не совсем уверен, что это все-таки была моя идея, а приходил я, – он почесал затылок, вспоминая нить событий, которая привела его именно в этот кабинет, вспомнил, – Я хотел тебя по-блату, конечно, попросить, у нас, у Лехи Морочко, через три дня день рождения, а он в списках Д.Р., не стоит, это я проверил, то ли он слишком мало проработал, то ли его “вежливо” забыли туда внести. Ты не могла бы это исправить, а то хочется человечка поздравить, хороший он.

– Поняла, все поняла, это досадное недоразумение я беру на себя. Наверное, просто забыли, он, знаешь, вообще невидимый какой-то, наверное потому-то программист, не в обиду тебе. У него и фамилия соответствующая, ты не переживай, я сообщу девочкам, и подарок купим и, поздравим, как полагается.

– Спасибо, Катюш, я побежал, работы еще много, и ты не особо там. Все наладится, а мысли всякие – выкинь, не очень идеяка получилась.

– Иди, иди, все будет хорошо.

Катерина посидела еще несколько минут в размышлениях, обдумывала плюсы и минусы весьма занятого общения, и, наконец, занялась работой.

Работа пошла быстро, а за ней незаметно бежало время, пролетел обед, час, два, и к концу рабочего времени Катя выдохнула и поспешила собираться домой. Она достала из сумки зеркальце, помаду, села по удобней, и принялась поправлять макияж. Добившись нужного результата, она встала, убрала все в сумку и начала одеваться, тут открылась дверь.

– Катерина, тебя подвезти? Мне по дороге.

– Спасибо, Денис, мне еще в магазин надо так, что как-нибудь сама.

– Я и в магазин тебя завезу.

– Ну ладно, раз ты такой добрый сегодня, то поехали, что время терять, я готов, – Катерина поспешила к двери, прокричав, – Всем счастливо, до завтра, – она покинула рабочее помещение.

Ольга Валерьевна и Людмила встретились около лифта, постояв молча, Люда, все-таки не выдержала.

– Интересно, до какого именно магазина Денис повез нашу девушку?

– Разве тебе не все равно или ты теперь спать будешь плохо, пока не выяснишь в какой, что делали и сколько стоила покупка, и кто именно ее оплатил? – ответила спокойная женщина, что-то ища в своей огромной сумке.

– Ну, разве не понятно, что он ей не по доброте душевной помогает, а значит, чего-то хочет, а она, между прочим, замужняя, если мне память не изменяет.

– Ох, вздохнула женщина, вообще она тебе часто изменяет, но в этот раз ты точно подметила, замужем. И даже если Вы, уважаемая Людмила Петровна, намекаете на какие-либо отношения, то смею Вас заверить, что если со стороны Дениса что-то и есть, то

Катерина этого не замечает, а если и заметит, то не ответит тем же.

– Ой, ой, можно и без официальных, что же Вы ее так выгораживаете, она Вам, что дочь родная?

– Людочка, не все думают так, как ты. У многих людей в нашем, не всегда хорошем мире, еще остались добрые помыслы. Я понимаю, что ты тоже хочешь иметь обычное женское счастье, только не за счет других, и у тебя оно тоже будет, оно придет, пусть даже в пятый раз, но все равно придет.

– Спасибо, Ольга Валерьевна Вы меня очень утешили то, что я буду, счастлива это я и так знаю. Ваш тонкий намек на мое предстоящее пятое замужество не испортит мне настроение.

– Как уже на предстоящее, ты что же молчала-то, Люська, по-тихому замуж решила выйти?

– Нет, еще твердой кандидатуры пока нет, но он обязательно будет, это я Вам гарантирую. Открылись двери лифта, женщины зашли в него, а за ними – собравшейся народ, двери закрылись.

– Я в тебе никогда не сомневалась, – сказала Ольга Валерьевна, которую заглушал, разговор молодых людей, радующихся концу рабочего дня.

Денис галантно открыл дверь в машину для спутницы:

– Прошу.

Девушка с улыбкой села в машину:

– Спасибо.

Он быстро подбежал к своей дверце, завел машину и проникновенным взглядом глядя глаза своей попутнице спросил.

– Куда едем, сударыня?

– В магазин, сударь.

– А потом?

– Домой, конечно же...

– А почему «конечно же»? Что, муж заругает?

– Нет, не заругает, дочка ждет.

– Ну, если дочка ждет тогда конечно, едем.

Денис спокойно управлял своим новым и дорогим автомобилем, Катя отвлеченно расслабилась, прикрыла глаза, погрузив-

шись в свои мысли. Водитель не торопился, где-то притормаживая, где-то объезжая кочки, дабы не трясти свою отдыхающую попутчицу, на которую изредка, украдкой поглядывал, с тонкой незаметной улыбкой. Маленькими урывками, по течению дороги, никак не налюбовавшись на свою спутницу, остановил автомобиль у большого магазина недалеко от ее дома. Очарованный милыми чертами ее лица, он спросил:

– Совсем устала? Давай я с тобой, помогу, до дома тебя довезу, а то с сумками тяжелыми, до дома потом, пешком пойдешь.

– Спасибо Денис, что повез, я справлюсь, по дороге до моего дома, будет идти много женщин с сумками и тоже с работы, так что я не одна, дойду, – она открыла дверь, – еще раз спасибо, до завтра.

– Пока, Катерина, до завтра, – он проводил ее взглядом до магазина, развернулся и уехал.

* * *

Катерина зашла в магазин, взяла тележку и направилась по просторам магазина, которой завораживал своей чистотой, приветливыми продавцами и кассирами, товар лежал на полочках и сиял. Проходя мимо полок, ей казалось – она слышит сожаление о своей невостребованности. Все было так красиво, что само прошилось в тележку. Катя, любящая совершать покупки, сегодня не была настроена на долгий выбор, она проходила довольно быстро мимо стеллажей, собирая все только самое не обходимое: хлеб, кажется, кончился соль, и даже она кончилась – в тележку, дочка просила купить мороженное – в тележку, необходимыми были яйца и колбаса – на завтрак любимому мужу. Так же за ним отправились в тележку, немного сыра, и бутылка вина, которую Катя выбирала с большей тщательностью, чем все остальное. Довольная своим выбором она проследовала к кассе, где ее ждала очередь с «сияющим» кассиром – на ее лице была необыкновенная радость от обслуживания народа, которому посчастливилось попасть к ним в магазин и именно на ее кассу. Собрав покупки по пакетам, Катя направилась к выходу, преодолев несколько ступе-

нек, она вышла на дорожку, ведущую к ее дому. «Люди спешили кто куда, для кого-то рабочий день только начался», – подумала Катерина, когда мимо нее пронеслись подряд несколько такси, кто-то спешил домой, как и она, с сумками наперерез спешили в основном женщины, иногда мужчины, а иногда они шли парами или даже с детьми. Подойдя к дому, она начала искать ключ от домофона, любезная консьержка открыла дверь, и Екатерина осторожно зашла в подъезд, уходя от острых углов дверей, ловко уворачивая сумки. Поднимаясь по лестнице, ей навстречу выбежала свора молодых ребяташек, отпросивших кого-то из своих друзей гулять. Как снежный ком они ссыпались на Катерину, кто-то из ребят ее сбил с равновесия, и одна сумка не удержалась в руках у девушки, с грохотом упала на лестницу и промялась вниз.

– Яйца, – закричала Катя, но ребята, даже не извинившись, побоявшиеся, того что им придется выслушивать длинный отчет о поведении и доклад родителям о случившемся, спешно сбежали на улицу, где их ждал свежий воздух и кратковременная свобода.

Измученная девушка подняла недавно купленную попку, со свежей, желтой пленкой, аккуратно размазанной по стенкам пакета. Даже не заглядывая в пакет, она нажала на кнопку вызова лифта, подходя к двери, остановилась, от раздражающегося лая соседской собаки. Хозяин, вернувшийся с работы, был облизан и обласкан, любимым питомцем, который радостными возгласами, просился на улицу. Катя не успела дойти до своей двери, как открылась дверь соседа, и радостный пес, лая и снося все на своем пути, неся к дверям маленькой комнаты, он знал, что она способна доставить его на свежий, обвевающий морду воздух. Где возможно не только спокойно сходить по своим делам, не побоявшись быть обруганным хозяином, так и познакомиться и полаяться с незнакомыми и знакомыми собратями. Опешившая Катерина от быстро подрастающего, маленького, хорошего щеночка сенбернара в хорошую большую собаку, прислонилась к стенке, пропуская гулять радостное создание. А ведь еще недавно они с Викой не могли налюбоваться на маленького, шерстяного комочка, нелепо, по медвежьему шагающему по холодной,

заснеженной, когда-то зеленой лужайке около дома. Как быстро летит время, куда и зачем так быстро, что мы успеваем сделать, за такой маленький промежуток времени. Еще раз поработать, еще раз устать, а за это время вырастают собаки, но мы этого не замечаем, это всего лишь течение времени, и мы утешаем себя, что так устроена жизнь, с этим не поспоришь, а как много мы не замечаем. Катя достала ключи, не успела вставить и проверить ключ в замочной скважине, как замок очень быстро закрутился с обратной стороны двери, дверь распахнулась настежь.

– Мамочка, наконец-то ты пришла, а ты мороженое купила? Ты мне обещала вчера, помнишь?

– Ну конечно, как я могла забыть, здравствуй, доченька

– Здравствуй, мамочка, – смущенно сказала девочка, стреляющая взглядам по пакетам, – Ой, мам, а что там у тебя случилось? – уставившись на пакет, спросила Вика.

– Уронила на лестнице, заходя в дом, соседские мальчишки помогли, ну да ладно, не катастрофа же, сейчас посмотрим, пойдем отмывать твоё мороженное от яиц...

Девочка прошагала за мамой на кухню, где усталая мама, начала выкладывать: мороженое, сыр и остатки яиц в раковину. Мороженное уцелело, а вот яйца нет, ни одного целого, бывает же. Размякшая мама сидела на стуле, смотрела, как пыхтят и журчат сковородки и кастрюли на плите. Она встала, помыла овощи и начала резать салат, в кухню вбежала дочь, радостно закричав: «Дедушка, дедушка звонит. Он с тобой хочет поговорить».

И она протянула телефонную трубку маме. Катя выдохнула, набрала воздух в легкие, погладила дочь по голове, спасибо дорогая, беги, последовав маминому совету, дочь быстро убежала с кухни по своим делам.

– Привет, папа!

– Здравствуй, Катерина. Ну, что случилось в эти выходные, я Вас все так же ждал...

– Прости, папа, мне жаль, ты же все знаешь, я очень хочу, и Вика соскучилась. Но у нас – то одно, то другое, то дела, то праздники. Мы обязательно приедем.

– Все ясно. Как вы?

– Спасибо, хорошо, ужин готовлю, папочка мы очень постараемся приехать на следующие выходные, ну или уж на после следующие совершенно точно. Если нет, то мы вдвоем приедем с Викой, это точно, я обещаю.

– Что у Вас стряслось, почему ты вдвоем собралась приезжать, Вы что поссорились?

– Нет, папуль, все хорошо, правда, я приеду, ты же знаешь.

– Хорошо, буду ждать, берегите себя, целую, пока.

– Целую тебя, пока.

Она долго держала трубку около подбородка, смотрела в окно, что-то вспоминала, то улыбалась, то слезы появлялись в глазах. Она положила трубку. Несколько раз открывала крышки, будто за несколько секунд, должно было что-то измениться. Она долго стояла около окна, мясной стейк своим шипением давал знать о своей готовности. Она достала из кастрюли маленькую, очень маленькую картошку в мундире, почистила ее и укладывала в сковороду, для придания ей золотистой корочки.

Зазвенел звонок, дочка побежала открывать дверь.

– Мамочка, это Марина, я схожу ненадолго поиграю. Можно?

– А уроки? Мы с тобой должны были почитать.

– Я скоро вернусь. Ну, пожалуйста.

– Ладно, иди только недолго, – и девочки побежали по коридору, громко хлопнув соседской дверью.

Катерина села на стул, пытаясь припомнить, что она еще должна была сделать. Что-то Дима задерживается, подумала девушка, накрывая на стол. Она достала бутылку вина, поставила на стол, два бокала. Маленький стаканчик для дочери, сок, салат, тарелки, приборы, вроде все. Осталось привести себя в порядок, уложила волосы, заколов их большой, темно-коричневой заколкой, с черными иероглифами, контур которых покрыт тонкими, золотистыми линиями. Эта заколка была ей дорога, ее когда-то привезла мама из Шанхая. Она всегда что-то привозила, где она только не была и всегда что-то привозила. Ее воспоминания прервала дочь.

– Мама, ведь, правда, я недолго? Марина тоже уроки делает, у нее папа пришел.

– Да, нашего папы что-то нет, пошли тоже уроки делать, ты голодна или папу подождем?

– Ну конечно, подождем.

Прошло около сорока минут, как Катерина выходила из детской с Викой.

– Ну пошли за стол, а то уже спать пора ложиться, а мы еще не ели.

Дочка села за стол, Катя пошла, звонить мужу, забеспокоившись, не случилось ли чего.

– Ну и чего? – и спросила дочь.

– Абонент временно не доступен.

– Ну, понятно.

Они сели за стол, Вика принялась рассказывать что-то интересное и забавное, приключения в школе. Катя слушала, улыбалась, что-то спрашивала по ходу рассказа. Но в голове отчетливо звучала мысль, что-то случилось, он бы предупредил. Они уже поужинали. Вика помогала маме убрать со стола, мама мыла посуду протирала стол, убрала бутылку вина на соседний столик, где уютно стояли бокалы.

Вика отправилась в ванну.

– Помощь нужна? – спросила Катя уходящую дочь.

– Спасибо мама я справлюсь, я уже не маленькая.

– Ладно, ладно.

Она взяла телефон, чтоб услышать все тот же голос, который все так же равнодушно протягивал “Абонент находится не в зоны действия сети”. Она посидела молча в темной комнате, включила телевизор, выключила телевизор, дождалась выхода дочери из ванны.

– Я приму душ и зайду к тебе, ложись.

Вода ее начала расслаблять и уносить куда-то далеко, где нет ни проблем, ни лишних мыслей, где всегда прекрасно, тепло и заманчиво приятно. Она дернулась от крика дочери, поняв, что папа пришел, поспешила окончить водные процедуры, спешно вытираясь полотенцем. Открывая дверь, она увидела, выпившего и весьма довольного собой мужа.

– А вот и я.

– А позвонить и сообщить что с тобой все в порядке?

– Катя, ну что ты начинаешь, я же пришел. Что за меня переживать. На работе отмечали, увольнение сотрудника, загуляли немножко.

– Ясно, – еле сдерживая острые слова, Катерина проследовала в детскую.

– Ну, давай ложись, завтра в школу идти. Будет новый день, новые заботы, новые знания.

– А нельзя сделать, так что бы она поскорее закончилась.

– Нет, дорогая все мы ходили в школу и папа, и мама, а потом еще институт.

– Мама, а Вы в институт по собственному желанию шли, это же уже не так обязательно как школа?

– Не обязательно, но очень нужно, образование вообще очень нужно, тебе потом понравится учиться. Ты у меня совсем уже большая, умная, рассудительная, – она поцеловала дочь, – Спокойной ночи.

– И тебе, мамуль.

Она погасила свет, закрыл дверь, молча зашла в комнату, где уже переодевшийся муж лежал с пультом от телевизора без остановки переключая каналы.

Наконец на спортивном канале, он обнаружил то, что искал, успокоившись на этом, лег поудобнее, откинул жене одеяло.

– У тебя все хорошо? Вы ели?

– Тебя не дождались, неужели нельзя было позвонить?

– Ну, ты же знаешь, как это бывает.

– Нет, не знаю, я в первую очередь подумаю о близких, которые будут за меня переживать.

– Ясно, – Дима, отлынивающий от не очень приятного разговора, поежился, еще раз и сосредоточился на футболе.

Катя поняла, что разговор не пошел, и явно не пойдет, отвернулась, от него, прося сон скорее придти к ней. Он ворвался быстро, и Катя быстро растворялась в красочных сновидениях.

Утро все-таки наступило, а так не хотелось вставать, тело просило еще пол часика, ну хотя бы пятнадцать минуточек, но будильник, не выключаемый протяжностью руки, все-таки заставил встать. Ложиться не имело смысла, да еще когда столько надо успеть сделать. Катя поспешила умываться, после чего, как обычно начинала всех будить, заранее готовая к тому, что сразу все отказываются вставать, уповая на добрую жену и маму, которая, имея массу свободного времени должна подойти к каждому минимум три раза с ласковыми мольбами и просьбами встать. Катя помешивала кашу, думая, что приготовить мужу на завтрак. Ничего, не придумав, она начала резать бутерброды из вкусно пахнущей колбаски прикупленной вчера вместе с яйцами, которым не суждено было стать завтраком. Мама уже ждала дочь на прическу. Не довольный муж своим состоянием и безрадостным походом на работу пошел умываться. Катя, причесав дочь, выпивая на бегу чашку кофе, уже стремилась к зеркалу, для нанесения красоты.

– Доброе утро, папочка.

– Доброе утро, солнышко.

– Ну, что у нас на завтрак, – в предчувствии заветного желания, потирал руки муж.

– У меня – каша, у тебя – бутерброды, – с беззаботной улыбкой говорила дочь.

– Как бутерброды, я ведь еще вчера яичницу просил, я не хочу бутерброды, ты вчера обещала мне купить яйца.

– Обещала, и самое интересное, что я их купила, ну вот до дома не донесла.

– Он встал, дошел до холодильника, убедиться в правде сказанных слов женой, не увидев ни одного яйца.

– Что ни одного не донесла? Такого не бывает, – немного со злостью, обидой и по-детски говорил Дима.

– Очень мило, что ты мне не веришь, у меня нет на это времени. Вика, я жду тебя. Вынеси мусор, когда будешь выходить. Пока, – она встала, поставила посуду в раковину, начала одеваться.

– Пока, папуль.

Она хлопнула дверью со злостью; обида, горечь застыла в горле, от невестребованного вчерашнего ужина, и припасенной бутылки вина, которая должна была раскрепостить их натянутые, в последнее время отношения. От невозможности порадовать мужа завтраком, от усталости и беспочвенных обвинений, от напрасных ожиданий, ненужных упреков и еще незнамо чего.

Дима, содрогнувшись от хлопка входной двери, несколько секунд смотрел с удивлением в коридор, не привыкший к агрессивному поведению жены. Решив все-таки что-нибудь съесть, он выпил чашку чая, зажевал его бутербродом, понимая, что уже опаздывает, начал спешно одеваться, в коридоре он вспомнил про мусор. Открывая дверь, ведущую в мир отходов, несколько секунд полюбовался на прозрачный пакет с желтой пленкой, в котором виднелась горка скорлупы. Глупо было портить утро из-за каких-то яиц, она, наверное, расстроилась, что не донесла их, интересно как она умудрилась их разбить? Она у меня такая неуклюжая, доставая пакет, думал Дима. Идя к выходу кухни, он увидел, бутылку вина, которая так хорошо гармонировала со стаканами и вазой искусственных, но очень аппетитных фруктов, которую он давно собирался выбросить, но жена категорически отказывалась отправлять ее на упокой. Интересно, по какому случаю было вино? Да, видать не только утро не задалось, но и ужин. Жаль, что так получилось, надо это как-то исправить, как-нибудь...

Катерина, устраиваясь на рабочем месте, была наполнена новыми силами, идеями и злостью, хорошей женской злостью, которая подмывала изнутри на необдуманные поступки. Разобрав несколько документов, заботливо скрепленных начальством, она увидела, что Валерий Алексеевич вызывает ее в кабинет. Он уже по “аське” вызывает, конечно, идти нам очень далеко, да и зачем, если мы такие важные, и вообще, зачем секретарша, если есть я, хорошо устроился. Ей были не очень приятны его просьбы, хоть они и были связаны с работой. Она встала, взяла папку и последовала в кабинет напротив. Без стука она вошла в кабинет, встав посередине кабинета в ожидании, что на нее обратят внимания.

Начальник будто специально делал вид, что не видит своей подчиненной.

– Вы меня вызывали, – без доли смущения на него смотрела, смелая девушка, которой пришлось обратить на себя внимание.

– Да, Катерина проходите, – он опустил глаза вниз, уставившись в документы, судя по важному виду, очень важные, но он успел отметить за короткий взгляд напористость и уверенность в себе подчиненной. Жаль, а румянец, ей очень шел, он улыбнулся своим мыслям. Встал, протягивая только что распечатанную вереницу бумажек.

– Это Вам. У Вас масса работы, дорогая моя. У нас по весне а, то есть через три недели открываются три магазина, я думаю, Вы слышали об этом. Ваша задача, чтоб об этом было известно общественности, и чтоб эта известность притягивала всех с первого дня открытия, чтоб как пчелы на мед, Вы меня понимаете.

– Ясно, во-первых, не дорогая я Вам, сами понимаете, а во-вторых, Геннадий Юрьевич, говорил, что я узнаю об этом за два месяца до открытия, Вы-то понимаете, что в трех неделях и трех магазинах, есть что-то общее, о нет, это цифры. Я постараюсь сделать все зависящие от меня, чтобы исправить это досадное недоразумение, и прикрыть того, кто устроил мне это. Но я боюсь не уложиться в три недели, мне было обещано два месяца, Вы разницу чувствуете? Так что надо подумать, кто будет сообщать Геннадию Юрьевичу о таком странном стечении обстоятельств, по вине которых эти бумаги не дошли до меня вовремя, а значит, открытие магазинов не могло состояться в указанный срок.

Валерий Алексеевич старался сохранять спокойствие и не молчать слишком долго. Но слова застыли около губ, вроде бы совсем близко, но никак не желали слетать, и звуки отказывались становиться словами. Ошарашенный выходкой надежной, всегда выручающей в трудную минуту сотрудницы, он не знал, как реагировать на ее явно гормональный всплеск активности. Не совсем понимая, как прекрасный ни в чем не отказывающий человек, мог доминировать над такой строгой, целеустремленной личностью как он. Вслух он смог озвучить очень короткую, но очень нуж-

ную фразу, которая не только спасла нелепую ситуацию, но и его самого, позволив не уронить при этом его достоинство спором с подчиненной начальника, сказав:

– Идите работать, Катерина Николаевна, у Вас и правда мало времени.

Выходя из кабинета, Катя не только не думала о том, что она только что впервые ответила не совсем корректно начальнику. Но и правда думала исключительно о том, как бы ей, девушке, хоть и наделенной творческим талантом, но уложиться в такой короткий срок. Придя на рабочее место, она читала документы, пожелания начальников отдела продаж вот-вот открывающихся магазинов. Внимательно вчитывалась в адреса, конкретное место нахождение магазина было исключительно важно для креативного директора. Она думала на кого будут делать ставки магазины и как ей, активно привлечь клиентов, желательно одной, но несущей в себе очень много, привлекательной фразой. Она закрыла глаза, хотя знала, что на рабочем месте это делать ей разрешается. Она представляла магазин очень ярко, насыщенными красками ей виделось открытие. Она видела сияющую мебель, гарнитуру, карнизы и все, чего так не хватало любому дому по не совсем низким ценам. А значит, не каждый мог себе позволить украшение дома вещами такого рода, а значит, реклама должна быть дорогой и ставка в ней будет на дорого живущих, и дорого покупающих клиентов.

– Екатерина Николаевна, а Вы в задумчивости очень красивая

– Спасибо, пытаюсь сосредоточиться на работе.

– Я Вас отвлеку, ненадолго. Я тут в переходе встретил вашего друга Игоря, он озабочен Вашим настроением. Что послужило этому? И как жизнерадостная, всегда улыбчивая, приветливая, и просто душа компании девушка превратилась в хмурую и неразговорчивую особу?

– Чем заслужила я, Денис Сергеевич, такое количество комплиментов за одну минуту, у меня ведь сегодня не день рождения

– А почему Вы на «Вы» перешли?

Он рассмеялся, она тоже не удержалась и улыбнулась.

– Заслужили, Екатерина, я вообще по делу, вернее по поручению опять же Вашего друга, он просил напомнить Вам о дне рождения какого-то Морочко.

– Блин. Простите. Т. е., прости. Как я могла, я же обещала, оно уже завтра, а у меня ни подарка, ничегошеньки.

– Ну, я сегодня свободен, могу в магазин подбросить.

– Спасибо, я думаю, кто-нибудь без меня эту задачу решит, надо только доложить девочкам, они об этом позаботятся, у меня и без того дел хватает, я сейчас позвоню и все исправлю.

Она потянулась к трубке, набрала заветный номер. Прикрыла рукой трубку, прошептав «Спасибо за напоминание», – Ирочка, я буду тебе очень признательна, если ты внесешь в списки дней рождения Морочко Алексея. Он у него завтра, надо бы поздравить, ну и подарок организовать, поскольку время на сборы денежных средств отсутствует, а мало приятные сувениры покупать не нужно, очень просили. Я готова оплатить подарок, мне завтра можно будет вернуть, пошли курьера за подарком, надо бы что-нибудь оригинальное приобрести.

– Интересно, – говорили ей с другого конца трубки, – работаю тут почти два года, а кто такой Алексей Морочко не знаю, он что новенький?

– Нет, совсем наоборот, он из «стареньких», ну вообще он программист, работает давно, парень хороший. Незаметный, скромный, но хороший.

– Программист, удивительно, ни разу не слышала.

– Спасибо, Ириша, за понимание, надеюсь на тебя. Пока. До встречи на завтрашним мероприятии, – положила трубку.

Ну и денек. Она выдохнула, возвращаясь к мыслям о скоро открывающемся магазине надежд Геннадия Юрьевича, он на него столько всего возлагал, она не может его подвести. Катерина еще раз погрузилась в представления, ее губы что-то шептали. Карандашом на бумаге она делала пометки, она то радовалась себе, написав предложения, то что-то вычеркивала и писала новые, пытаясь собрать воедино все написанное, придуманное. Напечатав несколько листов, она принялась рисовать схемы, чертежи, дописыв-

вать рекламные блоки, заголовки. Интересно, а где пропадает моя незаменимая помощница? Набрала номер отдела сопровождения.

– Здравствуйте, Маргарита Васильевна, это Катя, а моя Женька не у Вас случайно пропадает?

– Здравствуй Катя, у нас, девчонкам тут помогает, а у нее, что работа есть?

– Представляете, есть, передайте, что я жду ее, спасибо, до свидания.

Через пару минут в комнату влетела взъерошенная и смущенная девушка:

– Вы меня извините, я думала, что я не нужна и ...

– Не нужно, садись, я знаю, что ты хочешь работать там, но иногда ты и здесь нужна, сегодня такой день, и всю эту неделю и следующую тоже. Я вот это тебе приготовила, – Катя протянула ей папку документов исписанных карандашом и ручкой, и два диска, – То, что ручкой – допечатать, то, что карандашом – не надо, а то, что обведено ручкой, но написано карандашом – это на втором диске. И еще может получится, я вот тебе написала, что третий магазин откроется не далеко от нас, там новостройки новые строят, место удачное, на другой стороне – зеленый парк. Попробуй сама составить рекламный лист для работников магазина, ну и саму рекламу для магазина, если нет – не страшно, им я займусь позже, он открывается последним. Но в первую очередь – то, что я тебе дала. Ну, вот и все преступаем.

День за работой летел незаметно, обеденное время их не коснулось. Женья, увлеченная работой, на удивление про него не вспомнила и только к пяти часам вечера они выдохнули, поняв, что не мешало бы передохнуть.

– Иди, отдохни, – Катя посмотрела на свою усталую, но с довольными от выполненной работы глазами помощницу, – Дальше я сама.

Женька побежала за дверь, в другой, далекий, и такой близкий отдел, где ее ждала другая работа, но дело даже было не в работе, там был Игорь, который так любезно с ней разговаривал. Ей еще при трудоустройстве на работу показалось, что была волна, где-то

изнутри, где-то в глубине, ей казалось, что он тоже это почувствовал. Но Игорь был стеснительным, и Женька, не привыкшая начинать отношения сама, была затянута в авантюрную, романтическую игру перемигиваний, мимолетных взглядов, проникновенных улыбок. Она все ждала, ну когда он сам решится куда-нибудь ее пригласить, ну неужели так сложно спросить: «Какие у тебя планы на вечер, не хочешь ли ты его провести со мной?» «Да, хочу», – закричала бы Женька. Она столько раз представляла это себе. Но все это так и оставалось лишь придуманным, потому что он не мог этого произнести. И она думала длинными вечерами в одиночестве: почему? Может он боится отказа, но я же соглашусь. Да, но он об этом не знает. А может, я ему вовсе и не нравлюсь, и я сама все это придумала, а может быть он не свободен или не свободно его сердце. И он в тайне мечтает о другой. А может это все-таки я? Это было мучительно и бесполезно. Но она все-таки надеялась на первый шаг с его стороны, всячески давая ему понять, что она почти влюблена. Почти, потому что себе она в этом еще не призналась. Это же так больно когда признаешься себе в любви, а потом ничего не получается.... Она боялась, что тогда будет, очень больно и считала, что он ей очень, очень нравится. Она бежала к нему, под предлогом нескончаемой работы у отдела сопровождения, которому она так усердно помогала от нее избавиться, и он был так близко.

* * *

Катя оставшиеся наедине с собой, вспомнила о муже, который так незаметно для себя испортил ей утро, она опять начала думать об их отношениях, не потеряли ли они что-то и имеют ли смысл такие отношения, в которых нет искры, а только обиды и взаимные упреки. Она думала о дочери, интересно как посмотрела бы она на развод папы и мамы? Так верующая, что у нее самые лучшие родители на свете. Как тяжело когда на тебе лежит ответственность за другую жизнь, и как не хочется жертвовать собой ради спокойствия других. «Я не хочу жить, так как сейчас, не хочу оставаться не замеченной. Я не хочу быть его тенью. Я хочу,

чтоб меня любили. Я понимаю, чего я хочу, но как это изменить... Я хочу быть любимой, я хочу, чтобы мой муж меня любил, чтобы так же проникновенно смотрел мне в глаза и так же чутко говорил со мной, как раньше. Можно сделать для себя выводы. Первое – я все-таки хочу сохранить семью, с условием, что все поменяется. Второе – я не хочу чувствовать тоже самое, но от другого мужчины, мне нужен мой муж. Прекрасно. Значит два варианта или бороться за свое счастье или опустить руки и спустить все на самотек, пока не захочется сбежать с закрытыми глазами все равно куда. Я выбираю первое, попытка, не пытка. Как ему дать понять, что мне хочется перемен. Он же не поймет, еще хуже, если поймет, да по-своему. Своей непробиваемой логикой свойственной только упрямым, уверенным в себе мужчинам, до мозга костей мужчинам. Если даже существует реинкарнация, и мы действительно потом перерождаемся и занимаем другое тело. То есть такие как Дима, которые сколько бы не пришлось перерождаться, если будет выбор, будут мужчиной. До самого конца света, но мужчиной. И иногда так трудно из-за этого объяснить близкому человеку, что такое тонкая, чувственная натура. Что нам, ласковым созданиям, на этой земле необходимо внимание и забота. Даже если мы уже давным-давно были завоеваны. Это еще не значит, что мне вдруг резко всего этого пере хотелось. Я бы предпочла тогда никогда не быть завоеванной, я бы хотела, что бы меня завоевывали и завоевывали на протяжении всей жизни. Смелое заявление, в общем, то ладно. Значит так, из всего этого следует, что нам надо как-то сблизиться. Незаметно для самих себя. Говорить, в разговорах всегда понимаешь то, что казалось тебе вроде бы таким простым, но абсолютно не решаемым. Значит надо действовать» С такими мыслями она открыла «аську». Набрала в поиске его фамилию, имя, нажала поиск и начала ждать. «Интересно, почему мы никогда не общались с помощью современных переписок, ведь это могло бы сблизить нас намного раньше. Но нет, зачем. Мы всегда ждем самого трудного, что бы потом начать исправлять, когда будет уже совсем запущенный вариант, так интересней,» – саркастически говорила она себе. На экране появилось несколько кан-

дидатур для общения, и она начала открывать маленькие окошки, с анкетой, что бы понять какой именно ее. Нет, слишком молод, слишком старый. О, а вот и ты, да у тебя даже фотография загружена, я ведь и не знала, как многого я не знала.

С чего начать. Привет милый, вот решила тебе написать. Да, все хорошо, дорогая, увидимся вечером. Нет. Это мне не подходит. Я хочу постоянного общения с тобой. Каким образом это сделать? Общаться не от своего имени. Она придумала себе «ник».

Исправила все данные – решено будет Лелей. Как заставить тебя ответить, да еще не один раз. Чтоб ты не загнал меня в «игнор», как кучу всякого мусора. И она написала.

– Привет, как «наши» вчера сыграли?

Ждать ответа было тяжело, а может быть он не на месте, а может...

– Привет, 2:1 в нашу пользу.

Здорово и что дальше? Вопросы кончились, для не знакомого мне человека, что я еще могу спросить?

– Женщины редко интересуются футболом.

Конечно, редко, и я не отношусь к их числу, но надо же было тебя как-то вывести на беседу.

– Мой молодой человек любит, и меня втянул в мир футбола.

– У меня не получилось втянуть мою жену, что сделал твой молодой человек?

Хорошо хоть, что жена у тебя есть. Приятно.

– Ничего особенного, просто было радостно смотреть на него, когда шел футбол, и я пристрастилась, начала болеть вместе с ним.

– Уверен, ему повезло...

Конечно, повезло, только не ему, а тебе, а ты этого и не заметил.

– Почему ты решила спросить о счете у незнакомого тебе человека?

– Захотелось общения, разнообразить свободное время на работе, а ты так общаешься на работе?

– Да бывает...

– У меня не бывало, вот решила попробовать, у тебя забавный «ник» “Димастый”, это откуда?

– Не знаю, как-то так получилось. У тебя красивое имя, редкое и красивое.

– Спасибо, мне оно тоже нравится, но меня называют исключительно Лёлька.

– Здорово, девушка с таким именем, увлекающаяся футболом.

– Мне кажется, нет ничего лучше, чем расслабиться после трудовых будней, посмотреть увлекательные передачи, отдых, что может быть лучше? Хорошо, если кто-нибудь разделяет твои взгляды на жизнь.

Он улыбался, читал строки и улыбался, ну что за милое создание. Он начал писать ей, как увидел, что она, отключилась, off-лайн. Нет, так не бывает. Только встретишь хорошего собеседника, и он испаряется.

Она, довольная собой, смотрела на компьютер, хорошего понемножку, зато завтра ты будешь ждать, когда я появлюсь. Нельзя чтоб беседа начинала надоедать, и ты не знал, как отвязаться от меня. Надо заканчивать всегда на интересном месте.

– Екатерина Николаевна, уже как шесть прозвенело, Вы домой собираетесь? – Ольга Валерьевна смотрела на загадочную улыбку девушки.

– Уже шесть, как быстро прошел день. Даже не заметила, и сколько полезного успела сделать, просто удивительно. Я быстро.

Она вскочила, выключив компьютер, побежала набрасывать на себя плащ.

– И что даже в зеркало не посмотришься, – на нее смотрела Людмила.

– Зачем? Естественная красота, нет ничего лучше, особенно по весне, а там солнышко светит. Ну, пойдемте же уже. Я готова.

* * *

«Весна, обворожительное время. В это время встречаются, сходятся и расходятся. Душа переполнена чем-то новым, неожиданным. Внутри все будоражит. Душа чувствует мимолетное

движение ветра, полет птиц и как у проходящий мимо влюбленных порхают бабочки в животе. Все так волнительно. Даже самые обычные вещи, кажутся не обычными. Я обожаю весну, мое любимое время. Пора загадочности, невесомости, взлетов, вдохновений. Только в весну все не возможное становится возможным. И самые трудные решения с легкостью принимаются весной. Потому что душа требует чего-то не изведенного, чего-то запретного. Я по весне абсолютно точно теряю голову. И только по весне я могла решиться на такой не совсем обдуманный поступок. И что из этого выльется, какая разница. Начало положено, и это здорово, потому что теперь, во мне будут жить две девушки. С каждой, из которых будет знаком мой муж, ну разве не весело, а если действительно не будет весело, и я пожалею об этом? Какое это имеет значение сейчас, это будет потом».

В волнительном настроении Екатерина практически долетела до дома, где ее как обычно ждала дочь. Только из-за нее туда следовало идти, но так хотелось пройтись, подумать, погулять. Обрести полное душевное спокойствие и равновесие с самой собой. Когда первые, весенние лучи припекают, радуют, обжигают душу, так не хочется идти домой. Так хочется совершать что-нибудь несвойственное для самой себя.

Она открыла дверь туда, где настроение легко падало с высокой ноты, там, за дверями, начиналась обычная, семейная жизнь, со своим укладом, бытом и отработанным режимом. Интересно, почему именно весной душа требует перемен? Хотя, может она и в другое время года тоже требует, но мы ее не слышим, а весной, она начинает кричать.

Девочка услышала, что пришла мама. Прибежала из другого конца квартиры за доли секунды.

– Мамочка, я тебя так ждала, так ждала. На улице такая хорошая погода, можно я пойду гулять?

– Здравствуй, ты меня ждала только за этим? Могла бы позвонить и спросить. Ты уроки сделала? В комнате убралась?

– Я все сделала. Меня там девчонки ждут. Мам, ну можно? Мы на площадке, под окном. Помню – с площадки никуда.

– Хорошо, иди. Больше двух часов не гулять, еще не так тепло, солнышко обманчиво. Придешь, будем уроки проверять. Беги.

– Спасибо, мамуль, – закричала дочка, когда дверь почти уже захлопнулась.

«И откуда у нее столько энергии, – подумала уставшая мама, быстро переоделась и упала на кровать, – Ничего не хочется делать, абсолютно ничего. Есть не хочется, хотя я сегодня даже не обедала. Мужу еще не хотелось бы, тогда можно было бы ничего не готовить».

Она встала, достала телефон из сумки. Открыв холодильник, долго смотрела в него, пытаясь понять, что же ей сотворить. Ничего в голову не шло, и она его закрыла. В голове все что угодно, только не то, что надо. Когда голова чем-то занята, то так быстро сбиваешься с ритма и потом так не просто войти в него снова. Посидев несколько минут около окна, она начала приходить в себя. Солнце почти заходило, красиво окрашивая небо в размытые пятна, разнообразных цветов. Это только кажется что закат красный, а на самом деле он – багровый, розовый, лиловый, золотистый, светло-коричневый, оранжевый, светло-оранжевый, сиреневый, вишневый, фиолетовый, малиновый. Краски были подарены людям самой природой, мы так редко замечаем всю прелесть закатов и восходов, самой жизни, которая нам подарена. А мы все бежим куда-то, боимся не успеть, опоздать с работы, прийти с работы, уехать отдыхать, вернуться, ждем праздников, чтоб они поскорее прошли, чтоб больше нечего не ждать. Сначала быстрее хотим родить детей, потом вырастить их, жить торопимся, зачем? И только в старости мы оборачиваемся назад, почему так быстро? Куда мы так торопились? А можно еще раз?

Она встала, выдохнула, достала из морозилки пачку полуфабрикатов, купленную на такой день, когда ну никак не представляется возможным приготовить что-то вкусное. Она открыла упаковку: «Зразы», – прочитала она на упаковке. В наше время и зразы готовые продаются, и котлеты, и кучу других замороженных изделий. У людей в наше время или нет времени на готовку, или просто нет желания, очень удобно бросить на сковородку

пару субстанций чего-нибудь, съесть это и почувствовать себя человеком. Кстати, вкусный и старательный ужин во всех смыслах был вчера, только муж не соизволил это даже попробовать, и вино не пригодилось, а так хотелось. Так что после вчерашнего у нее произошел энергетический спад, по крайней мере, на кухне. Сковородка пыхтела, размораживая на себе, не пойми что. Катя с легкостью порубила овощи в салат, витаминчики, практически живые, хотя скорей всего, даже не скорей, а точно, парниковые. Ну и ладно, все равно витамины, ну что-то же должно было, в них быть, ну уж точно не вредные, успокаивала она себя, ставя салатник на стол. Зразы подрумянились, дали сок, и даже источали приятное, прямо-таки ароматное благоухание мяса, грибов, и еще много всего того, с чем они должны были быть. Ну, вот и все, ужин готов, я просто мастер, теперь отдых. Гарнир? Она приставила палец к подбородку. Решение уже было, но она как-то она не решалось его озвучить. Прошла минута, она опустила палец, идя по направлению двери- обойдется без гарнира. Как только тапочки были скинуты и горящие ноги были протянуты, вошел муж.

– Привет, киска, пришел котик, и очень голодный, я остался без обеда.

Она ухмыльнулась.

– Привет, ужин готов, можешь есть.

Он испарился в недрах гардероба. После быстрого, практически армейского переодевания, последовала такая же тщательная, но ничем не уступающая по времени мойка рук. Катя не захотела присоединяться к нему, отделившись от ужина мягким отказом, она читала книгу, где герои книги уносили ее куда-то далеко с собой. Они плыли на корабле полном таинственности, и плыли они не за сокровищами, а найти скрытую от людских глаз и дыхания колыбель. В которой таилась древняя рукопись, в которой было сказано обо всем живом в этом мире. Тайна жизни, спокойствия и обретения веры, которую люди так быстро теряли и так долго искали. Разгадка была так близка, и возвращаться в реальность, почему-то совершенно не хотелось, но пришлось. Дима довольный плюхнулся на диван, отблагодарил жену, чмоканьем в щеку, за съеденное.

– Салатик, конечно, хорошо, но без гарнира как-то не очень сытно получилось, а в целом вкусно, спасибо.

– Если б ты иногда заглядывал в холодильник, то там бы ты нашел стейк не востребованный тобой еще вчера. Съев, его ты бы точно наелся.

– Я извиняюсь за вчерашнее, был не прав, – он помолчал и добавил, – И за сегодняшнее тоже, я был...

– Неважно, ты прощен, – она уставилась в книжку. Погрузившись в события полных неизведанности, непредсказуемости, всего того, чего так иногда не хватало в спокойной, ничем не предвещающей перемен, размеренной жизни.

– Ты – прелесть, – он включил телевизор, – Вика гуляет?

– Угу...

– Когда обещалась быть? Там уже темнеет.

– Сейчас придет.

Он не ответил, удовлетворенный ответом. Он смотрел новости, перевероты. События, происходящие на земле, за несколько дней удивляли. За такое короткое время и столько происшествий. Он уже забыл, что еще утром хотел исправить некую недосказанность, натянутость. Дом по-прежнему казался родным, спокойным, уютным, комфортным. И даже легкое отречение жены, не настораживало. Супруги были увлечены каждый своим делом. Может, им действительно не хватало, встряски, каких-нибудь личных проблем, которые работают как магнит. Может, им был нужен страх или боязнь потерять близкого и любимого человека. Может, может, и еще раз может. Каждый из них это понимал, всю серьезность ситуации, что они отделились, стали почти чужими, а, может, настолько родными, как брат и сестра. Что близость между двумя безумно любящими когда-то в прошлом людьми, улетучилась, испарилась или просто вылетела в форточку, в поисках сильных чувств, пылающих сердец, сторающих друг без друга людей.

– Мамочка, ты не поверишь, я встретила тетю Лену с третьего этажа, Бернар родил, в смысле оценился. Ну, Вы же обещали,